

— У Гу Цзямина крепкая актерская база, а его способность передавать эмоции во время съемок порой даже меня приводила в изумление. Он актер от бога. Есть вещи, которым нужно долго учиться и которые надо годами оттачивать, а он с ними родился. Добавьте к этому прилежание и серьезный подход – среди молодежи он самый дисциплинированный профессионал из всех, кого я видел. Мало кто может с ним сравниться. — На видео мужчина средних лет в бейсболке со всей серьезностью расточал похвалы, и на его обычно суровом лице даже промелькнуло подобие улыбки.

Заметив его благодушный настрой, репортер поспешил уточнить:

— Значит ли это, что вы, режиссер Ван, очень цените Гу Цзямина? В сети ходят слухи, что в своем следующем проекте вы планируете сотрудничать именно с ним. Это правда?

— Я действительно симпатизирую этому юноше и надеюсь, что в этом поверхностном кругу он пойдет далеко, сохранив при этом чистоту помыслов. Что же до сотрудничества... — Режиссер Ван кашлянул, и его лицо вновь приняло привычное чопорное и суровое выражение, а тон стал холодным и отстраненным, — ...этот вопрос еще требует обсуждения. Я отказываюсь отвечать.

Чжэн Сюэшао выключил досмотренное видео, поправил очки на переносице и серьезно напутствовал Гу Цзямина:

— Тебе несказанно повезло, раз этот старый упрямец Ван выдал такое. Ты обязан сделать репост в Weibo и хорошенько его поблагодарить.

Будь на его месте любой другой артист, менеджеру не пришлось бы так беспокоиться. Увидев подобный шанс, любой бы уже в экстазе бросился обнимать чужие колени и вопить «папочка!». Стоит знать, что режиссер Ван пользуется мировой славой, а характер у него скверный – он известен своей неуступчивостью. То, что он открыл рот ради такой похвалы, нормальный человек счел бы за великое благо: рассыпался бы в благодарностях и заодно попытался бы наладить связи.

Но с Гу Цзямином этот номер не проходил. Если не разжевать ему все тонкости человеческих отношений, он и понятия не имел, как себя вести. Порой ему что-то поручали, и если не стоять над душой, он тут же об этом забывал. Гу Цзямин был сообразителен и активен только когда дело касалось съемок или еды, в остальное же время пребывал в полнейшей прострации.

Шло время обеда. Гу Цзямин, как раз досъемовывавший серию кадров для журнала «The An», сидел за временным столом, сооруженным рабочими площадки, и уплетал порционный обед. Выслушав наставления Чжэн Сюэшао, он вскинул брови и заявил как нечто само собой разумеющееся:

— Я и вправду хорошо поработал. Излишняя скромность – это либо позерство, либо заниженная самооценка. — Так, по крайней мере, говорили люди в интернете.

Чжэн Сюэшао сердито зыркнул на него:

— С твоим-то характером ты сумел выбиться в лучшие актеры в таком возрасте только благодаря таланту и смазливой мордашке. Ты меня в гроб загонишь! — С тех пор как он подобрал Гу Цзямина и стал его менеджером, забот у него было как у многодетной мамы.

Гу Цзямин продолжил трапезу, выживая из свинины с перцем весь зеленый перец и небрежно сваливая его в маленькую кучку. Певучим, неспешным голосом он констатировал факт:

— Я человек прямой, что на уме, то и на языке. Искренность – мое главное достоинство.

Чжэн Сюэшао аж печенкой почувствовал, как закипает от злости:

— Перестань набираться всякой чепухи у этих сетевых бездельников! Ты должен соответствовать своему лицу!

— Виноват, впредь буду внимательнее. И поблагодарю режиссера Вана за отзыв, это вопрос вежливости. — Гу Цзямин признал ошибку на удивление быстро и искренне. Лис-оборотень новой эпохи, свято чтящий пять заповедей и четыре добродетели, просто обязан знать правила приличия!

Да, Гу Цзямин был лисом-оборотнем, маленьким белым лисом с десятью хвостами. Он сам их считал. И хотя он не понимал, почему у него на один хвост больше, чем у легендарных девятихвостых лисиц, факт оставался фактом – он был белой вороной среди своих.

Он совершенно не помнил своего детства: ни где жил, ни как принял человеческий облик. Проснулся шесть лет назад в глухой горной ложине. Духовной энергии в горах было так мало, что на самосовершенствование ее не хватало, и ему волей-неволей пришлось выбираться из своего логова. Но когда он оказался в мире людей, то просто опешил.

Железные коробки на колесах носились стройными рядами, люди на ходу пялились в светящиеся прямоугольные дощечки, а при покупках просто размахивали ими. Более того, они разговаривали с этими штуками! И что самое странное: куча совершенно незнакомых людей заходила в одни и те же двери. В полнейшем замешательстве Гу Цзямин остановил прохожего, чтобы проконсультроваться:

— А здесь можно самому построить такое огромное гнездо? Как это делается?

В ответ он услышал лишь:

— Псих!

Как же Гу Цзямин разозлился! Это вы, болтающие с железными коробками, больше похожи на психов!

Ничего не понимая в новом мире, Гу Цзямину ради выживания пришлось уподобиться людям и открыть лоток на обочине: он торговал жареной курицей.

Позже он прислушался к совету одного мудрого наставника. Тот сказал, что в нынешние времена для практики можно собирать силу веры – она даже эффективнее, чем духовная энергия гор, а карьера актера – отличный способ ее получить. Подхватив остатки нераспроданной курицы, Гу Цзямин отправился пытаться счастья в кинокомпании.

И по счастливому совпадению его заметил Чжэн Сюэшао, которого в тот момент предали и затирали коллеги так, что он едва не лишился работы. Увидев в юноше новую надежду, он «подобрал» его и вложил всю душу в его обучение.

Гу Цзямин не подвел Чжэн Сюэшао. Будучи лисом-оборотнем, обладающим врожденным обаянием, талантом к притворству и невероятно красивой внешностью, за шесть лет он прошел путь от смазливового новичка, торгующего личиком, до великого актера с запредельным мастерством и армией в восемьдесят миллионов фанатов в Weibo!

Поток силы веры был неиссякаем. Ха! С таким багажом он стал могущественнее любого богача!

Чжэн Сюэшао, наблюдая, как тот обглаживает куриную ножку дочиста, обреченно вздохнул. К счастью, у Гу Цзямина был такой организм, что он не толстел, сколько бы ни ел, иначе одна только диета довела бы менеджера до мигрени. Оглядевшись и убедившись, что рядом никого нет, он понизил голос и сообщил свежую сплетню:

— У нас сменился главный босс.

Еще когда потенциал Гу Цзямина только раскрылся, Чжэн Сюэшао решил открыть отдельную студию. Сейчас там числилось уже несколько артистов, и все они успешно развивались, но сама студия юридически принадлежала компании «Хунсэнь Филмз».

Гу Цзямин, наевшись, прибрал за собой мусор, рассортировал его и выбросил в бак, неукоснительно следуя принципу «пяти заповедей, четырех добродетелей и трех любовей» – звание хорошего лиса-оборотня новой эпохи обязывало.

Он беззаботно отозвался:

— Чего бояться? Контракт действует еще несколько лет, вряд ли его изменят в один миг. Совершенно неважно, кто наш босс. — Ему нужны были фанаты, а под чьим крылом играть, зарабатывать деньги и набирать популярность – разницы никакой. Пока боссу не придет в голову заблокировать его, бояться нечего!

Чжэн Сюэшао все не унимался:

— Говорят, это этнический китаец из страны Y, потомственный аристократ. В столь молодом возрасте он уже вошел в Палату лордов, которую называют «домом престарелых». Его состояние исчисляется сотнями миллиардов. Имея такие деньги, он вдруг возвращается в страну и покупает нашу кинокомпанию. Тебе не кажется это странным?

— Страна Y? — Гу Цзямин нахмурился, подумав, неужели такое совпадение возможно? Он пробормотал:

— Ко мне это не имеет отношения. Я не претендую на деньги босса, а босс не претендует на мой ужин. — Для того, кто читал только светскую хронику и никогда не заглядывал в финансовые новости, это был человек из другого мира.

Чжэн Сюэшао оставалось только замолчать. Какое поразительное легкомыслие! Кто знает, какие порядки введут завтра, а по контракту пахать еще три года. Впрочем, объяснять это Гу Цзямину было бесполезно – его заторможенный мозг просто не работал в этом направлении.

Тем временем Гу Цзямин уже сделал репост в Weibo, прикрепив милое фото, где он задорно показывает пальцами знак «V» и улыбается как наивный простачок. Чжэн Сюэшао, глядя на это, тяжело вздохнул. Столькому его учил, а тот всё только и умеет, что милашничать! — Говорят, компания устроит прием, чтобы официально объявить новость. Ты обязан там быть.

Гу Цзямин с улыбкой вышел из приложения:

— Сегодня закончу съемки для журнала, а дальше у меня личный отпуск. Нужно уладить кое-какие дела.

— Если ты не выключишь телефон, не притворишься пропавшим без вести и не уйдешь с головой в игры, я буду молиться всем богам. Сейчас ты на пике популярности, лови момент, покажись на глаза большому боссу! — Чжэн Сюэшао был готов взорваться. Неужели в таком возрасте нельзя быть хоть каплю хитрее? Впрочем, он понимал ситуацию Гу Цзямина: ни отца, ни матери, зато на руках ребенок, о котором нужно заботиться. Иногда ему действительно было не разорваться.

Гу Цзямину в этом году исполнилось двадцать семь, и его прошлое было окутано тайной. Сам он утверждал, что сирота из глухих гор, а удостоверение личности ему помог справить менеджер через знакомых. Из-за прямолинейного характера и полного незнания жизни Чжэн Сюэшао приходилось караулить его ежедневно, опасаясь, как бы кто не воспользовался его наивностью и не разрушил карьеру. И при всем этом он умудрился как-то обзавестись трех-четырёхлетним сыном! Даже будучи его менеджером, Чжэн Сюэшао не знал, кто вторая половинка Гу Цзямина. Эта тайна едва не довела беднягу до инсульта.

Теперь этот ребенок стал для Гу Цзямина смыслом жизни. Вся работа и все почести вместе взятые не стоили для него и мизинца сына.

Гу Цзямин усмехнулся, и его пленительные глаза-фениксы превратились в два полумесяца. Глядя на эту улыбку, Чжэн Сюэшао сразу растерял весь пыл. Если не получалось убедить, приходилось уговаривать:

— Я же для твоего блага стараюсь.

Гу Цзямин понимающе закивал:

— Ага~ папаша Чжэн всегда прав.

Чжэн Сюэшао только и смог, что безмолвно возмутиться.

Когда менеджер ушел, фотограф с воодушевлением показал Гу Цзямину удачные кадры:

— Брат Мин, сможем после обеда доснять еще пару таких планов? Эта серия точно пойдет на обложку. — На фото статный юноша в белой рубашке прислонился к классическому роялю, демонстрируя идеальные пропорции фигуры. Одна рука в кармане брюк, а длинные пальцы другой слегка прижаты к чувственным губам. Взгляд, устремленный в камеру, чуть прищурен, уголки глаз приподняты - в этом образе сквозило неопишное очарование.

Гу Цзямин кивнул:

— Я могу войти в образ в любой момент. Снимаем, когда скажете. — Он и сам был впечатлен собственной красотой. Спасибо маме, если она еще жива, за то, что родила его таким красавцем!

Возбужденный фотограф сделал несколько копий снимков, бережно их сохранил и принялся настраивать камеру. Встретить такого трудолюбивого артиста, как Гу Цзямин, который готов работать сразу после еды - это просто до слез! Суперпопулярный актер без тени звездной болезни - такой человек заслуживает быть на вершине вечно!

Съемки продолжались до четырех часов дня. Только тогда Гу Цзямин смыл грим, закончил работу и поспешил за своим драгоценным чадом, чтобы забрать его домой. С появлением ребенка Гу Цзямин стал более требовательным к быту: через знакомых он купил виллу в малонаселенном пригороде, очертил свою территорию, и теперь это было их уютное

гнездышко.

Вечером отец и сын устроились на диване перед телевизором. Малышу было года три-четыре, на его белом личике еще виднелась младенческая пухлость. Мягкое тельце доверчиво прижалось к Гу Цзямину, а маленькие ручки обхватили бутылочку с молоком.

— Папа, мне не нравится эта бутылка. — Отпив половину, кроха поднял голову и потерялся о подбородок отца. В его нежном голоске слышалось явное пренебрежение:

— Только сопляки, которых не отлучили от груди, пользуются бутылочками! — На макушке у него торчала пара пушистых ушек, а из-под попы выглядывал меховой хвостик, кончик которого ритмично подергивался в такт словам. Длинные ресницы и тонкие черты лица делали его похожим на совершенную куклу, невероятно красивую.

Мальчика звали Мо Цзеян. Имя дал тот самый человек, что присоветовал Гу Цзямину идти в шоу-бизнес: мол, в его судьбе не хватает стихии воды, и такое имя принесет ему жизнь, полную мира, богатства и процветания. Фамилию Мо он получил от другого отца – Гу Цзямин надеялся таким образом хоть немного искупить долг кармы перед тем человеком. Дома же отец звал его Гу Дачжуан, надеясь, что сын вырастет крепким и здоровым, вот только маленький Мо Цзеян каждый раз при этом имени демонстративно «глох». Даже Чжэн Сюэшао считал, что Гу Цзямин издевается над ребенком: называть такого красавца «Крепышом» – более непутевого папаши мир не видел.

Гу Цзямин погладил набитый животик сына, окончательно утонув в ощущении этой мягкости:

— Но ты и есть сопляк! — Пользуясь случаем, он еще пару раз потискал ребенка. Надо же, как округлился, хорошо он его кормит!

Мо Цзеян надул щеки и с силой втянул молоко. Хм, он уже большой, а вовсе не сопляк!

В этот момент раздался звонок в дверь. Гу Цзямин напряженно подошел к входу и, взглянув на монитор домофона, тут же предупредил сына:

— Сынок, быстро прячь хвост!

Мо Цзеян, не отрываясь от молока, послушно прижал ушки и вильнул попой, скрывая хвост.

Мужчина на экране был темноволос и темноглаз, а четверть западной крови делала его и без того безупречные черты лица еще более точеными и глубокими. Ночные сумерки не могли скрыть его высокий рост – под метр девяносто. Он был одет в безукоризненно сшитый черный костюм, на левом лацкане которого поблескивала золотая брошь – простая, но придающая облику особую строгость. Рядом стоял черный чемодан, явно указывающий на то, что гость прибыл с вещами.

Подождав секунд десять, он ослабил узел галстука и снова нажал на звонок. Подняв голову, он устремил глубокий взгляд прямо в камеру наблюдения, словно встретился глазами с подглядывающим через экран Гу Цзямином:

— Прости, заезжал в отель за вещами, поэтому припозднился. — Даже если на мониторе ничего не было видно, он точно знал, что Гу Цзямин за ним наблюдает.

Его тон был ровным, а низкий голос идеально соответствовал образу – неспешная речь человека, привыкшего держать всё под контролем. Спустя пять лет Мо Юньци стал еще более

притягательным, обретя зрелую мужскую харизму.

Гу Цзямин раздосадованно хлопнул себя по лбу. Видимо, в тот раз похоть совсем затуманила ему разум, раз при первой же встрече он поддался безумной идее и полез его соблазнять!

С силой ткнув в кнопку открытия ворот, Гу Цзямин сердито проворчал под нос:

— Проклятая судьба! — Если бы печать памяти можно было накладывать на одного человека больше одного раза, он бы не задумываясь сделал это снова!

И слово «проклятая» здесь было более чем уместно. А началось всё пять лет назад.

Пожалуйста, не забудьте поставить «Спасибо»! Ваша активность помогает делать работы лучше, ускоряет выход новых глав и поднимает настроение переводчику!

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17007/1580111>